

2. Печерская обитель и студиты

Ответ на вопрос о том, когда был основан Печерский монастырь, даёт автор летописной статьи 6559 (1051) года, где после известия о поставлении митрополитом русина Илариона следует рассказ о начале обители и в заключении анонимный автор заявляет: *Се же написах и положих в кое лето почал быти монастырь и что ради зоветься Печерьскый*²¹. Этим *положих*, т. е. «установил и изложил», подчеркнута авторство, отсутствие же имени автора следует понимать, что им был сам летописец, который подчеркнул, что не просто *написах*, что в данном случае могло значить «написал, переписал», включив в состав летописи, но и был его сочинителем. А тогда год основания (с марта 1051 по февраль 1052 гг.) приобретает достоверность, да и в самом тексте участие в нём священноинок, а затем митрополита Илариона скупое, но, всё же, отмечено: его вкладом была не только *печерка мала, двусажена*. Иларионово *Слово* учитывает все основные богослужебные традиции, в том числе студийскую. Исследователь проясняет её субстрат на основании протографа типиков монастырей: Евергедитского (Богоматери Благодетельницы) в Константинополе, Спасопреображенского в Мессине (Сицилия) и Успения Богородицы, учреждённого патриархом Алексеем Студитом (1025–1043 гг.), на что указывает среди источников *Слова*, привлечённых из богослужебной части устава аллилуарий на праздник Успения²². К тому же Иларион ведь был учредителем Печерского монастыря, ибо только епархиальный епископ киевский мог дать своё согласие на открытие любого монастыря в епархии. Тут какая-то недомолвка, либо просто недосказанность. Но всё же из текста следует, что Печерский монастырь имел свою предисторию, связанную с пребыванием Антония Печерского не менее трёх лет (до пострижения) на Афоне, в одной из Святогорских обителей. При этом подчеркивается, что Печерский монастырь основан не богатыми ктиторами, но монашеским подвижанием (*есть от благославленья Святыя Горы пошел*), и руководится уставом студийским, принятым также на Афоне. Тем самым следует, хотя это и не сказано явно, что

21 ПСРЛ 1: 160; ПСРЛ 2: 149; D. Ostrowski, Collation 2: 1267.

22 См.: К.К. Ацентьев, Слово о законе и благодати Илариона Киевского / Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Византиноведение т. 3, СПб. 2005: 116–152, особ. 149^о. Студийские богослужебные последования отмечены в третьем разделе подстрочного критического аппарата. Издания уставов см.: M. Arranz, Le typicon du monastère du Saint-Sauveur à Messine. Codex Messinensis gr. 115 (Orientalia Christiana Analecta 185) Roma 1969; и ниже прим. 33, 56. Это капитальное источниковедческое изучение богослужебных источников субстрата *Слова*, сопряжённое с его критическим изданием, заслуживает исключительного признания. Автор сумел учесть и должным образом оценить наблюдения предшественников (А. Данти, Л. Мюллера, А.К. Молдована и Н.Н. Розова). Если не ранее, то в 1039 г. Алексеевский устав мог привезти в Киев митрополит Феопемпт, в сентябре того года участвовавший в заседании патриаршего синода. См.: G. Ficker, Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites, Kiel 1911: 28–42.

Печерскому монастырю положены те же права самоуправления и автономии, как обителям Святой Горы и Студию.

Нельзя не отметить неясность в должности Антония Печерского. Игуменом он поставлен не был, но старейшинствовал в монастыре, а затем поставил игуменом Варлаама, а после — Феодосия. Как иеромонах, постригавший в монахи, он мог бы быть игуменом, но, по-видимому, желал вовсе отрешиться от мира сего и, приняв великую схиму, уединился в выкопанной им же пещере. Исследователи старались разгадать мирское имя Антония, предполагая в летописи пропуск, и забывая, что став монахами, аскетами, эти люди, сознательно подчёркивая разрыв со своей прежней жизнью, считали забытым и своё светское имя. Подобно было и с Феодосием, хотя агиограф готов видеть тут его крестильное имя. Феодосий, постригаясь, принял это имя в честь святого Феодора Студита, придерживаясь общей семантики обеих имён (*Божий дар*), но и тонко нюансируя ступень, отделяющую его от его образцового подвижника-исповедника Феодора Студита²³. Уже одно то, что иеромонах и великий схимник Антоний силой благословения Святой Горы ставил с одобрения всей братии двух очередных игуменов, а не ставил их митрополит киевский, однозначно указывает, что печеряне изначально считали свой монастырь самоуправляемым и автономным — по образцу аналогичных византийских обителей²⁴. Если именно так смотреть на тот факт, что Антоний считал неуместным самому ставиться игуменом, то обращение к митрополиту печерской братии с просьбой поставления им игумена было бы признанием митрополичьей юрисдикции над монастырём и могло свести на нет его независимый статус.

Право игумена назначать преемника нашло подтверждение при кончине Феодосия: последний, перенявши братию в числе двадцати человек, в течение 14 лет довёл её до сотни монахов, следуя в этом своему идеалу — Феодору Студиту, который, переняв одну сотню, довёл Студийский монастырь до семиста монахов. В 1074 г., в связи с назначением Феодосием своего преемника, проявились несогласия, которые дадут о себе знать и впоследствии. Оказалось, что

23 Все три имени — Феодор, Досифей, Феодосий (Theodoros, Dositheos, Theodosios) — однозначны: Божий Дар. F. Bechtel, *Die historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*, Halle 1917: 140. Однако современник Феодосия Печерского, игумен монастыря Оснос-Лукас, составляя ок. 1050 г. свою надгробную надпись, так нюансировал замену своих имён: «... Феодор стал Феодосием; недосыгаемый анфипат сам себя обратил в монаха...»; гр. текст и англ. перевод см.: Н. Oikonomides, *The First Century* (см. ниже прим. 63): 246. Следует учесть и такую возможность, что начавший своё труженичество во Христе с юности, светской жизни Феодосий не изведаль и поэтому, став иноком, мог сохранить своё крестильное имя. См.: *ЖФП*, Усп. сб.: 73 (л. 27 а, б).

24 J.P. Thomas, *The Rise of the Independent and Self-governing Monasteries as Reflected in the Monastic Typika* // *Greek Orthodox Theological Review* v. 30, 1985: 21–30. Ярким примером тут служит Студий, где суверенность монастыря и божественность самопоставления достигалась таким путём, что палицу (жезл), положенную на алтаре, непосредственно брал в свои руки поставляемый. Перенятие этой по сути архиерейской регалии власти сопровождалось громким одобрением (acclamatio) поставления монастырской братией. Подробный анализ ритуала поставления см.: D. Krausmüller, *Abbots and Monks in Eleventh-Century Stoudios* // *Revue des Etudes Byzantines* 64/65, 2006/2007: 255–282; Idem, *Installed by God: Depictious of the Investiture of Abbots in Eleventh-Century Studite manuscripts and their Relation to Contemporary Monastic Ritual* // *Basilissa* 2 (Belfast) 2011 (в печати; текст любезно предоставлен автором).

достигнуть единомысленности сотни монахов нелегко, тем более, что в монастырь вступали люди бывалые — знатные, волевые (бояре, княжеские дружинники), которые, отрешаясь от мирской суеты (за исключением уединяющихся в пещерах аскетов) не отказывались влиять на своё светское окружение, согласно исповедуемым ими принципам христианства. В этом печеряне были подобны студитам — энергичным поборникам правовеярия и наставникам земных власть предержащих по поручению небесного Вседержителя. Протестуя против изгнания Изяслава как законного держателя киевского стола, Феодосий не только отказывается застольничать у князя Святослава, противоправно занявшего Киев, но и называет такое общение сатанинским: *Не имам ийти на трапезу вельзавелинину* (Усп. сб.: л. 57 г), и, продолжая обличать князя-узурпатора, готов, подобно Феодору Студиту, идти в заточение. Умоленный некоторыми из печерян выслушать оправдания Святослава Феодосий так излагает ему свою повинность: *Се нам подобает обличити и глаголати вам* (т. е. князьям) *еже на спасение души и вам лепо есть послушати*. Когда Святослав вторично явился в монастырь, оправдываясь с покорностью перед Феодосием, тот поучал его о возвращении киевского стола Изяславу, одновременно велел продолжать во время богослужений поминать христоробца Изяслава как законного киевского князя. Святославу удалось задобрить грозного игумена, и содействовали примирению, несомненно, некоторые печеряне с Никоном во главе. Этот эпизод отношений между князем и игуменом в 1073 г. напоминает Каноссу 1077 г., с тем, что Святославу удалось снискать благоволение печерского игумена, и так, что в канун своей кончины 3 мая 1074 г. немощный Феодосий принял Святослава с сыном Глебом, о чём сообщает летописец, поручая *монастырь на соблюдение еда будет что смятенье в нем*. Феодосий, поручая опекаться Печерским монастырём, признавал тем самым князя Святослава государём киевским, имея в виду сохранение независимой позиции своей обители. И в этом сказывается, что для Феодосия образцом оставался назидатель василевсов и патриархов Феодор Студит со всей его непреклонностью и, в то же время, гибкостью, выраженной в одном из писем: «Быть может, мы говорили нечто иное другим в ином месте и в иное время. Такие дела не должны рассматриваться без учёта разных обстоятельств, ибо это могло бы вести к проискам и оказаться крайне бесполезным»²⁵.

25 Письмо Петру Никейскому от 823 г. см.: Theodori Studitae Epistulae, ed. G. Fatouros, vol. 2, Berlin 1992, Epist. 475. Cf. P. Karlin-Hayter, A. Byzantine Politician Monk: Saint Theodore Studite // Jahrbuch für Österreichische Byzantinistik, v. 44, 1994: 217–239, тут 229. Отмеченный в заголовке упрек исследовательницы Феодору в политиканстве звучит модернизирующе. На основании тридцати семи, касающихся браков Константина VI, из более, чем пятисот сохранившихся писем реформатора монашества, успешно противостоящего иконоборчеству обличителя пороков власть имущих, сделана попытка придать его церковно-политической деятельности черты, несвойственные той эпохе. В борьбе за воплощение своих идей Феодор был последователен, рискуя быть изгнанным, брошенным в тюрьму или лишённым жизни. Однако во имя грядущего успеха шёл на уступки, смягчая своё мнение. Основательная, и всё ещё не устаревшая монография о жизни, деятельности и творениях «этого замечательнейшего бойца воинствующей церкви» принадлежит А.П. Доброклонскому, Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский, ч. I–II, Одесса 1913–1914: XX+972+XC+570 с.

Приверженность Феодосия деяниям и назиданиям Феодора отразилась в достоверно ему приписываемых нескольких *Словах к братии*, напоминающих подобные поучения Студита, где печерянин прямо ссылается на последнего. В одном из *Слов*, призывая братию к подвигам аскетизма и страдальчества, со ссылкой на св. Феодора, он рекомендует совершенствование духовной жизни по ступеням *Лествицы* — руководства для монашествующих, составленного Иоанном Схоластиком (†691 г.). И при этом называет исповедника Феодора страстотерпцем, желая подчеркнуть его неустрашимость и готовность терпеть за правую веру²⁶.

Даже в родственных отношениях Феодосий следовал Феодору. Последнему удалось приобщить к монашествованию отца, мать, брата и сестру, передав Студийскому монастырю всё своё имущество. Феодосий, сын вдовствующей матери, убедил её стать инокиней по рекомендации Антония Печерского в монастыре Св. Николая, основательницей которого была супруга Изяслава, княгиня Олисава (крестильное имя Гертруда). Судя по земельным угодьям, которыми располагал Печерский монастырь, пожертвования вступающей в обитель знати были значительными²⁷.

Мать Феодосия стала инокиней во второй половине 1050-х гг., когда её сын был уже постриженником Печерского монастыря. Пресвитером он стал в возрасте не менее 30 лет, до поставления в игумены в 1060/1061 гг. Студийский устав предписывал братии избирать единогласно *предлежащую святому евангелию* игуменом иеромонаха, которому исполнилось 33 года. Следовательно, родился он не позже 1027/1028 гг., умер в возрасте ок. 47 лет, что объясняется крайне аскетическим образом жизни и многолетним пребыванием в сырой суглинистой пещерке. В более благоприятном климате, несмотря на заключения и

26 О произведениях Феодосия Печерского, в большинстве спорных и необоснованно ему приписываемых, см.: Н. Никольский, *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)*, СПб. 1906: 157–195; И.П. Еремин, *Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды ОДРЛ*, т. 5, 1947: 159–168, с приложением приписанных ему одиннадцати *Слов*: 168–184; О.В. Творогов, *Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси* (далее *Словарь книжников*), вып. 1, Л. 1987: 457–459, и обстоятельнее: Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*, СПб. 1996: 157–162. Дальнейшее их изучение и атрибуция, с учётом сочинений Феодора Студита, прояснит, быть может, вопрос, были ли последние доступны Феодосию на языке оригинала или уже в переводе, как предполагалось доселе. Учитывая внимание, уделяемое студитами просвещению славян, позволительно предполагать, что такие переводы выходили из весьма продуктивных скрипториев Студия и дочерних монастырей, в которых уже в IX в. пребывали монахи из славян. Об этих переводах см. две работы Д.С. Ищенко: *Огласительные поучения Феодора Студита в Византии и у славян // ВВ*. 40, 1979: 157–171; *Малоизвестное поучение Феодора Студита в древнерусском переводе // История русского языка: исследования и тексты*, М. 1982: 308–319. О явных и скрытых ссылках Феодосия Печерского на Феодора Студита см.: В.Н. Топоров, *Святость: 770–795*.

27 Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. I/2, М. 1904 (репр. 1997): 711–724. Нестор в *ЖФП* отмечает, что *князи и бояре... на състроение монастырю своему... и села вдавающе* (Усп. л. 40а⁸, 19–22). Печерский монастырь уже в XI в. владел несколькими сёлами и пахотной землёй, когда же игумен Стефан в 1077 г. был изгнан из обители, бояре, духовником которых он являлся, собрали средства, позволившие не только учредить новый монастырь Влахернской Богородицы на Клове неподалёку от Киева, но и в течение нескольких лет выстроить каменный монастырский храм (Усп. л. 57 в¹², 66 в³⁰–66 г³⁰).

ссылки, Феодор Студит (759–826 г.) прожил 67 лет — вступил в монастырь до достижения 20-летия, стал пресвитером в возрасте 30 лет (в 788 г.), а в 794 г. уже являлся игуменом Студийского монастыря Св. Иоанна Предтечи.

Текстуальную зависимость *ЖФП* от ряда житий выдающихся монашествующих исповедников, признанных святыми, наглядно продемонстрировали филологи²⁸. Эта литературная зависимость была продиктована теми требованиями, которые предъявлялись исповеднику, заслужившему венец славы нетленной. Агиограф доказывал достижение этой цели, указывая в первую очередь не на чрезвычайность, а на обычность того канона святости, который был присущ уже признанным святыми, так, чтобы житие, обосновывающее воцерковление культа новоявленного святого, находило подтверждение в деяниях признанных в своём подвижничестве исповедников Христовых. То, что исследователем может признаваться литературным трафаретом, сложилось на протяжении веков в канон церковных установлений. *Житие* Феодосия, благодаря самому подвижнику и таланту его агиографа, избежало лишней шаблонности пожалуй по той простой причине, что для печерского игумена совершенным образцом подвижничества был игумен и исповедник Феодор Студит²⁹.

И вот тут любопытный случай: при несомненном влиянии деяний Студита на жизнь и характер подвижничества игумена-печерянина, текстуальная связь *ЖФП* с *Житием* Феодора, доступным на Руси и известным самому Феодосию и всем печерянам, Нестором-агиографом не отмечена. Вероятно, ссылки на деяния и писания великого Студита в среде имущих власть государственную и церковную не грешили ожидаемой корректностью. Зато особо знаменательна мастерская автора *Жития*, привлёкшего в широком плане *Житие Саввы Освященного*. Исследователями подчёркивалась текстуальная близость, стилистика, подражание *житию* одного из виднейших столпов монашества, вплоть до

28 Основные труды Д.И. Абрамовича и С.А. Бугославского. Обзор и библиография см.: О.В. Творогов, Нестор // *Словарь книжников* 1: 274–278, с дополнениями Г. Подскальского, Христианство: 207–214.

29 О переводном *Житии Феодора Студита* см. содержательное обозрение и библиографию: Д.М. Буланин, *Житие Феодора Студита* // *Словарь книжников* 1: 177–179. Славянский перевод (вторая редакция X в. по списку конца XII в. см.: Выголексинский сборник, изд. под ред. С.И. Коткова, М. 1977: 134–409. Остальные шесть списков принадлежат XVI в., в т. ч. Великая Миняя Четья митрополита Макария, ноябрь дни 1–12, СПб. 1897: 355–440 под 11 ноября, там же, с. 482–800 поучения Феодора Студита из его Большого Катехизиса. Первая редакция *ЖФС* (vita В: *Patrologia Graeca* t. 99: 233–328), составленная студийским монахом Михаилом, после 855 г., пожалуй, на Руси переведена не была. У восточных славян из 190 евангельских, апостольских и богослужебных месяцесловов XI — нач. XV вв. преподобный Феодор Студит упомянут лишь в 50-ти, и то преимущественно в рукописях XIV в. См.: О.В. Лосева, *Русские месяцесловы*: 200, 256. Ещё реже присутствует преподобный Студит в прологах (синаксариях) конца XII–XIV вв. — всего в четырёх под 11 ноября, и лишь в одном из них, Юрьевском XIV в., — также под 26 января. См.: А.В. Прокопенко, *Источник Пролога за сентябрьскую половину года* // *Словарь ДРЯ*, т. 8, М. 2008: 723, 748).

утверждения, что оно было основным источником Нестора³⁰. А ведь св. Савва (†532 г.), основатель и игумен монастыря-лавры вблизи Иерусалима, автор богослужебного устава (т. н. *Иерусалимского типика*) был первейшим образцом для великого Студита. На Савву, на его житие, на его устав последний постоянно ссылался³¹. И для Феодора, и для Феодосия авторитет всепреподобного Саввы был непререкаем. Следовательно, игнорирование Феодора Студита как образца для Феодосия Нестору продиктовали обстоятельства времени. В Печерской обители, по-видимому, опасались, что прямые ссылки на Феодора Студита и его деятельность могут вызывать возражения, и что следует избежать неудовольствия тех церковных властей, которых могло будоражить само намерение прославления самостоятельным монастырём своего почившего игумена, его и печерян близкие связи с византийскими студитами. Не случайно на протяжении веков преподобному Феодору отказывали в сане «святого», хотя в некоторых рукописях и надписях с его изображением он и был величаем «святым» или «всепреподобным»³².

30 С. Бугославский, К вопросу о характере и объёме литературной деятельности преп. Нестора // Известия ОРЯС т. XIX, 1914, кн. 1: 148–152; из *ЖФП* следует, что Варлаам в сер. 1060-х годов паломничал в Иерусалим: *таче походив святая та места возвратися в свои монастырь*. Печеряне бывали в лавре Св. Саввы на реке Иордан, *яко видети есть монастырь славыи суць на мьсте томь иже и донныне есть молитвами его [Саввы] цвьтуць* (Усп. сб.: 118, л. 56 б^{11-17, 27-31}). Игумен Даниил во время своего шестнадцатимесячного пребывания в Святой Земле в 1106–1107 гг., паломничая по *святым местам*, побывал и в самой лавре Св. Саввы, проживал на её монастырском подворье (*метохии*) в Иерусалиме. См.: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в., изд. Г.М. Прохоров, СПб. 2007: 16–17, 162–163.

31 Пожалуй, впервые именно Феодор Студит, подчёркивая исключительность св. Саввы среди преподобных монахов, назвал его *павбѣотс*; этот эпитет был применяем к самому Феодору, как следует из Синодика православия в некоторых редакциях XI в. См.: Le Synodikon de L'Orthodoxie. Edition et commentaire J. Gouillard // Travaux et Mémoires 2, Paris 1967: 53: *θεοδόρου τοῦ παυβότου ἡγουμένου τοῦ Στουδαίου αἰωνία ἡ μνήμη*. Выходит, что префикс *пав-* присущ 15 спискам Синодика серии М (pp. 14–21), но необходима проверка. Издатель не приписывал этому эпитету значения, так как и *ὁσιώτατος* = преподобнейший переводит одинаково *le très saint*. Славянские книжники подхватили приданный Феодору эпитет *ὁ παυβότος*, переводя на *всепреподобный*. См.: В.А. Мошин, Сербская редакция синодика в неделю православия // ВВ 17, 1960: 286, 295 (в четырёх рукописях).

32 В Византии *ὁσιος* — *преподобный* применялся к святым скромного ранга, прежде всего к монастырским подвижникам, почитаемым в пределах своей обители, на что указывают надписи, сопровождающие их изображения на фресках, и поминовения памяти; напр. в Осие-Лукас (см. ниже прим. 63 Oikonomides, The First Century: 250–251 (ὁ ὁσιος πατήρ ἡμῶν)). На мозаике в Неа-Мони Феодор Студит назван святым путём принятого иконного сокращения: *Α* вписанного в *Θ*. См.: D. Mouriki, The portraits of Theodor Studites (см. ниже прим. 61) pt. 8, подобным образом и в некоторых других храмах, там же илл. 5, 7, 12, 19, 20. Также на свитке рубежа XI–XII вв.: *ὁ ἅγιος πατήρ*. См.: A. Grabar, Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures // *Dumbarton Oaks Papers* 8, 1954: 169. Факт, что Феодор Студит поимённо ни разу не упоминает в *ЖФП* и в *ПВЛ*, говорит сам за себя. Уже патриарх Мефодий, участвовавший в перенесении мощей Феодора в январе 844 г. и признававший его заслуги в борьбе с иконоборцами, пожелал уничтожения некоторых сочинений святого Студита, но встретился с таким стойким противостоянием студийского иночества, что отказался от своего замысла. На протяжении IX–XI вв. незаурядный реформатор церковной и монастырской жизни встречался с недоброжелательством. Были также решительные противники его понимания монашества в служении христианскому обществу. Поэтому в XI в. начала приобретать поддержку тенденция ограничения монастырских общежителств и поощрения индивидуальных, созерцательных, форм монашества, отрешённого от мира сего. Впрочем, на Руси, благодаря печерянам,

Обильное результатами студийское влияние на монастырскую жизнь, по крайней мере Киева, Новгорода, Переяславля и Чернигова, на протяжении второй половины XI в. становится понятным, если учесть, что на Руси студиты появляются во второй четверти XI в. (а среди восточных славян и того ранее). Нам известны единичные факты пребывания русских монахов, таких, как Антоний Печерский, на Афоне. Ефрем, будущий титулярный митрополит Переяславля, проведенный в Студийском монастыре в Константинополе не менее 15 лет, был одним из печерян-студитов, а в *ЖФП* попал благодаря своему повышению и роли в пересылке переведённого студийского устава³³.

Общеизвестное, подтверждённое источниками и рукописями принятие Студийского монастырского устава (типикона) как свода правил монашеской жизни в Киево-Печерской киновии, а затем распространение его богослужебных и дисциплинарных предписаний на повседневный монастырский быт всех общежительных обителей на Руси, нашло, касательно богослужебной части типикона, отражение в обстоятельных исследованиях³⁴. Появление на Руси устава в его первоначальном виде не вызывало недоумений и вопросов, тем более, что большинство византийских и итало-греческих монастырей приняло в X–XI вв. основные его нормы (в том числе Афон), оказавшие определяющее влияние на монастырское богослужение.

Однако в пределах «монашеских заповедей», т. е. предписаний поведения монахов как членов иноческого общежития, и вне его, в первую очередь, возглавлявшего их игумена, выступали расхождения, требующие детального изучения. Это широкое в сравнительном плане поле изысканий — невыполнимо в пределах настоящего исследования, но предварительные наблюдения могут быть сделаны, хотя и потребуют дальнейшего изучения на фоне сохранившихся типиконов.

Под вопрос следует поставить утверждение, что печерский игумен заказал и принял как основу монастырского правопорядка Алексеевскую редакцию Студийского устава. Алексей Студит, возглавлявший византийскую церковь с

продолжала торжествовать киновия. О студитах в IX в. см.: Д.Е. Афиногенов, Патриаршество св. Мефодия (843–847): борьба за преемственность в византийской церкви // ВВ. 57, 1997: 130–156; о студитах: 143–150.

33 Принято считать, что это была Алексеевская редакция устава. Такое мнение воспринято и изложено А.М. Пентковским (Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси, М. 2001: 155–176) в исследовании, предворяющем издание текста Студийского Алексеевского устава (233–420). Таковой был составлен для Успенского монастыря (освящение его кафоликона состоялось в 1034 г.), со студийской родословной, но по сути обители киторской, с тем отличием, что тут основателем был сам патриарх Алексей. После его кончины это осложнило правовое положение монастыря (патриарший, а, вернее, независимый, но в определённых ситуациях при избрании игумена ограниченный правами патриарха).

34 Капитальными в области изучения литургистики средневековой Руси остаются труды А.А. Дмитриевского, высоко ценимые литургистами нашего времени; нпр. работы М. Арранца на фр. языке 1969–2000 гг. Тематически полезные составы трудов см.: А.М. Пентковский, Типикон: 7–19, а также в образцовом издании Студийского служебного устава по Новгородской рукописи ГТГ К-5349 Б.А. Успенским, Типографский устав: устав с кондакарем конца XI — начала XII вв., т. 1–3, М. 2006.

декабря 1025 по начало 1043 гг., к 1034 г. составил типикон для учреждённого им самим Успенского монастыря в Константинополе, дочернего по отношению к главной Студийской обители, игуменом которой он состоял до поставления в патриархи. Алексей Студит предписывал монахам своей ктитореи, что если им не удастся избрать игумена, то решение принадлежит патриарху: *по сих же к святому приходяще патриарху да просят сами поставити от святости его.* В самом же начале второй части (монашеских заповедей) заявлено, что этот уставник иноческих правил *установлен убо не по писанию в монастыри студиистемь преподобнымъ отцемъ нашимъ исповедьникъмъ Феодоръмъ бывъшимъ в немъ игуменъмъ; предан же писаниемъ от Альксия святого и вселения патриарха в поставленемъ имъ манастыри в имя Божествыня Матере*³⁵.

Алексей Студит не мог предвидеть, какие это может повлечь за собой последствия. Таковые проявились уже тогда, когда его преемником на патриаршем престоле (с марта 1043 г.) стал властолюбивый Михаил Кируларий.

В основе традиции студитов лежала самостоятельность в избрании игумена, проявлявшаяся в его назначении либо выдвижении одобряемым или отклоняемым собранием всех иноков киновии. При наличии более чем одного кандидата право окончательного решения предоставлялось Господней воле (алтарный жребий) либо императору. Такие процедуры выдвижения нового игумена были свойственны и печерянам вплоть до участия князя, опекающего их обитель. Но князь выступал не в роли ктитора, а как киевский государь, располагающий правами, присущими императору в пределах византийского государства. Из наблюдений, подробно рассмотренных ниже, следует, что практика Печерской обители отличалась, и то радикально, от предписанного Алексеевским уставом испрошения патриаршего согласия, а на месте избегала просить разрешения митрополита киевского. Это принципиальное расхождение позволяет отклонить господствующее доселе предположение, что присланный в 1060-е годы иермонахом Ефремом устав был тридцатилетней давности типиконом в редакции Алексея Студита. На это указывает не только печерская практика, но и поведение игумена Феодосия, который, получив от Ефрема *весь устав монастырьскыи... повеле почисти пред братию и оттоле начат... вся строити по уставу монастыря студискааго яко же и доныне есть*³⁶.

35 А.М. Пентковский, Типикон: 368, 393; Д.С. Ищенко, Устав Студийский по списку XII в. (фрагменты) // Источники по истории русского языка, М. 1976: 114 (л. 196 об.). Les Regestes des Actes du Patriarcat (1989): Reg. 841. Записки о ктиторах вновь опубли. А.В. Столярова в приложении к *НПЛ: ПСР/Т* 3, М. 2000: 262–268 со снимком л. 281 об., ГИМ 330; текст записок использован летописцем, современником событий, добавившем несколько подробностей, касающихся обоих новгородских владык.

36 *ЖФП*, Усп. сб.: 89, л. 37 б, в. О завещании Феодора Студита см.: D. Krausmüller, Installed by God: Depiction of the Investiture of Abbots in Eleventh-Century Manuscripts and their Relation to Contemporary Monastic Ritual // *Basilissa* v.2, Belfast 2011: Непременным атрибутом игуменов Студия и дочерних монастырей был пастырский посох, символ суверенной власти, передаваемый преемнику в ходе поставления по *Божьему строению* (θεοχεροτόνητον). Из привлечённых автором письменных и иконографических источников следует, что в ходе обряда такого самопоставления избранный монастырской общиной в игумены брал возложенный на алтарный престол посох собственноручно, исключая этим посредничество другого физического лица.

Не касаясь тут богослужебной части типикона, а лишь его монашеских заповедей, имеем основания полагать, что это был типикон в редакции Никиты Стифата, напрямую восходящий к ипотипикону самого Феодора Студита, но с некоторыми дополнениями (не только касающимися института игумена, но, например, деления схимы на малую и большую), обновлённый во время игуменства в Студийском монастыре Михаила Мерминтула, решительного оппонента Михаила Кирулария, пытавшегося подчинить себе студитов путём предельного ограничения их влияния³⁷. Последние же были жизненно заинтересованы в сохранении своей роли в мире православия, в том числе на его италийских, южно- и восточнославянских окраинах. Не всегда новые идеи проникали на периферии со значительным запозданием. Антоний, первый наставник печерян, а также игумены Варлаам и Феодосий в том либо ином виде были знакомы со студийским уставом уже в 1050-е годы. Антоний, вернувшись с Афона, знал, что Святогорская конгрегация руководится студийским уставом, а по обстоятельствам времени, действуя как основатель Печерской обители, указывал первым её насельникам: *се Бог вас, братья, совъкупи и от благославенья есте Святыя Горы, имь же мене постриже игумен [прот] Святыя Горы, а язъ вас постригал, да буди благославенья на вас первое от Бога, а второе от Святыя Горы*³⁸. Спустя почти полсотни лет печерский летописец в статье 1051 г. придал веское значение сохранению традиции независимости, позволявшей сторониться земных ктиторов.

Алексеевская же редакция студийского устава имела все основания появиться на Руси не позже 1039 г., почином самого киевского митрополита, студита Феопемпта, ввиду необходимости учреждения новых монастырей. В появлении этого устава в Новгороде нельзя исключить участия первого архиеерея из русинов Луки Жидяты (1036–1060 гг.), назначенного Ярославом и рукоположённого в епископы новгородские Феопемптом. Новгородским является происхождение сохранённого списка Алексеевского устава (Син. 330)³⁹, его протографа, вос-

Бытование такого ритуала частично отмечено в летописной статье 1074 г.: немощный Феодосия *вземше ѱ на сани поставиша прямо церкви*, т. е. так, чтобы видно было открытый алтарь с возлежащим на престоле — кроме Евангелия и устава — посохом. Однако сам посох в связи с обрядом поставления печерского игумена не упомянут, о его существовании узнаём случайно, но доподлинно — от Нестора-агиографа: разболевшийся пресвитер из клироса Киевской Софии во сне получает от Феодосия его пастырский посох со словами: *возьми сию пальку и ходи с нею*. Клирошанин выздоравливает и гласит о своём исцелении, славя преподобного Феодосия (ПСРЛ 1: 187; Усп. сб. 128, 129, 134, л. 63 а, б, 66 а; *палька, палица* — это дословный перевод гр. *ῥαβδος, βᾱκτρον*, лат. *baculus*).

37 D. Krausmüller, *Abbots and Monks in Eleventh-Century Studios. An Analysis of Rituals of Installation and Their Depictions in Illuminated Manuscripts* // *Revue des Etudes Byzantines* 64/65, 2006/2007: 255–282.

38 Лавр. лет. ПСРЛ 1:157 ср. D. Krausmüller, *The Athonite monastic tradition during the eleventh and early twelfth centuries* // *Mount Athos and Byzantine Monasticism. Aldershot* 1996: 57–65.

39 Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв. 1984: 159–161 (№138). Компетентное палеографическое описание Син. 330 представил Д.С. Ищенко, предлагая его датировку второй половиной XII в. См.: Его же, *Старейший русский список Студийского устава* // *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. М. 1966: 140–161. То, что отсутствуют йотированные юсы ЪЖ, ЈА, а юс большой Ж выступает двукратно, позволяет

ходящего к XI в., и полный список XV в. (ГИМ. Син. 905), восполняющий испорченные места в Син. 330. По какому-то стечению обстоятельств в архиве новгородских владык находился полный список Алексеевского устава, причём, его вторая часть, посвящённая правилам жизни и быта монахов, сохранилась значительно лучше. Это указывает, что пользование ею было ограниченным. И самое главное — язык перевода, указывающий на преобладание русизмов в церковнославянском тексте⁴⁰. Его переводчиком не мог быть монах-русин Ефрем, печерянин и студит, независимо от того, в котором из студийских монастырей византийской столицы он подвизался. Ефрему не было надобности переректировать и посылать Алексеевский текст в ситуации, когда Никита Стифат предлагал восстановленный им Ипостасис самого Феодора Студита⁴¹.

Первую из приписок на обороте последнего 281-ого листа Син. 330 — о постройке монастыря и деревянного храма Благовещения в 1170 г., а затем каменного собора в 1179 г. — следует датировать периодом после 1179 г., но до смерти первого из ктиторов, архиепископа Ильи 7 сентября 6694, т. е. 1186 г. Она даёт косвенное свидетельство того, что ктитория, основывая в 1170 г. свой монастырь, снабдили его богослужебным и монастырским уставом, и именно тем, под которым помещена эта приписка.

Из второй приписки, зафиксированной там же вслед за кончиной второго из ктиторов, архиепископа Гавриила 24 мая 6701, т. е. 1193 г., автор записи монах (игумен) монастыря Благовещения, испрося молитвы за усопших ктиторов *Господи молитвами Рожьшия Тя... съхрани присецаю дом сии до сконьцания веку и нам даруи спасение обрести*⁴². *Дом сии* — это, вне всякого сомнения, новгородский монастырь Благовещения Богородицы, следовательно, рукопись Син. 330 сохранила нам богослужебный и ктиторийский устав этого монастыря, полученный им в 1170 г., и совсем плотно к этому году переписанный.

Алексеевский Студийский устав был переписан со списка, хранимого в книжнице Софии Новгородской для основанной владыкой Ильёй (1165–1185 гг.) и его

полагать, что Син. 330 был переписан со списка XI в. Важно наблюдение Д.С. Ищенко, что первая часть Типикона, богослужебная (лл. 1–196), сохранилась хуже, чем вторая часть (лл. 196 об. — 281) предписаний монахам киновии.

40 То, что Син. 330 ок. 1170 г. переписывал писец-русин, не подлежит сомнению, причём из уже собранных наблюдений можно предполагать русский перевод с греческого во второй трети XI в., вероятно, в Новгороде. См.: Н.Н. Дурново, Избранные работы по истории русского языка. М. 2000: 404; В.Н. Живов, Чтение, произношение и правописание в XI–XIII вв. // *Miscellanea Slavica*. Сб. в честь Б.А. Успенского, М. 2008: 252–253; выходит, что нормой в рефлексх Син. 330, лл. 196 об. — 280 (Монастырский устав) 116 раз выступает *же*, и только три раза *жд*. См. также: А.А. Пичхадзе, Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*, Краков, 1998 г. М. 1998: 475–488.

41 D. Krausmüller, Niketas Stethatos Hypotyposis for Studios and patterns of worship in eleventh-century Byzantine monasteries // *Work and Worship at the Theotokos Evergetis*, ed. M. Mullet, A. Kirby, Belfast 1997: 309–328.

42 См. выше прим. 35: Д.С. Ищенко, Устав Студийский: 160–161; А.В. Столярова в *ПСРЛ* 3: 364 сл.

братом иеромонахом Гавриилом (архиепископом новгородским 1186–1193 гг.) их Благовещенской ктитореи. Следовательно, к этому событию было поручено приготовить необходимый богослужебный и дисциплинарный устав для монахов новосоздаваемой киновии. Выбор не случайно пал на Алексеевский типикон. Начиная с Нифонта (1131–1156 гг.) новгородские владыки, представляя освободившийся в 1136 г. из-под надзора Киева республиканский Новгород, вели свою более самостоятельную политику в Константинополе, поддерживая патриарших ставленников на Киевскую митрополию. В 1166 г. Новгород, вместо Белгорода, что на реке Ирпень, становится первой кафедрой митрополии Руси, а её держатель титулуется архиепископом⁴³. Следовательно, отмеченное в Алексеевском уставе верховное право патриарха решать, в случае расхождений, о поставлении игумена новгородского Благовещенского монастыря было целиком по мысли его ктиторов.

Восходил ли синодальный список 330 к списку рубежа XI–XII вв., или к протографу, находящемуся со времён Луки Жидяты (1036–1060 гг.) в Новгороде — вопрос открытый. Неясным остаётся также соотношение Син. 905 списка XV в. с Син. 330: восходят ли оба к общему протографу — требует изучения. Быть может, связь Син. 905 и Соф. 1136 (триодная и месящесловная часть устава) рукописи XII в. открывает вторую возможность⁴⁴.

Во всяком случае, отсутствуют данные, что Типикон патриарха Алексея Студита определял монашеский порядок в Киево-Печерском монастыре. Не он был в нём вводим. То, что его греческий оригинал бесследно пропал, указывает, что в обстановке напряжённости (с 1043 г.) в отношениях с патриархом, он стал неприемлем для греческого монашества. На Русь Алексеевский типикон попал благонамеренно, но события 1040-х и 1050-х годов не благоприятствовали распространению его второй части — монашеских заповедей. А его единственный, к тому же славяноязычный, по сути русьский, список совсем случайно сохранился в Новгороде благодаря ктиторовскому почину 1170 г.

Присылку Студийского устава летописец сочетает с приездом в Киев митрополита Георгия. Из надписи на печати следует, что Георгий был поставлен в митрополиты Руси, а его титул синкелла указывает, что этот архиерей был членом императорского сената, а как таковой — доверенным лицом императора в контактах с тремя русьскими князьями, в первую очередь, с киевским⁴⁵. Подоб-

43 Памятники древнерусского канонического права ч. 1 (РИБ 6) СПб. 1908: 75–78 (№4); Г. Подскальски, Христианство: 458.

44 Сводный Каталог (см. прим. 39): 135–136 (№107), Син. 905 привлечён при издании Син. 330, А.М. Пентковский, Типикон: 180–183, 186–188.

45 Известны четыре печати митрополита Руси и синкелла Георгия. См.: В.Л. Янин, Актовые печати Древней Руси, т. 1., М. 1970: 174 (№93), Н.П. Лихачёв, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2 [Л. 1930]: 2, табл. 3. Поскольку ссылки на вып. 2 нередки, а его мало кто видел, следует отметить, что напечатанный тираж был уничтожен напуганными арестом Николая Петровича Лихачёва служащими Академии наук. Неизвестный сотрудник типографии

ным образом право продвижения епископов в титулярные митрополиты было закреплено за императором, и одно это подчёркивало церковно-политический характер такого временного повышения⁴⁶.

Terminus post quem прибытия Георгия в Киев чётко обозначен в *Житии Феодосия Печерского* — это год 6570, когда, согласно Нестору, Феодосий, после того, как стал игуменом, вывел печерских монахов из пещерных келий в новопостроенный монастырь и деревянную церковь Успения Богородицы, что позволяет определить ему дату освящения храма в канун Госпожина дня, т. е. 14 августа 1062 г. По сих же, то есть только после этих событий, игумен *посла единого от братия* в Константинополь к печерянину Ефрему: *да весь устав студийскаго монастыря испьсав, присьлеть*⁴⁷. Когда конкретно (месяца два, три или год спустя) этот инок пустился в путь — неизвестно, поэтому принять следует срочное поручение. Отправившийся осенью 6570 г., т. е. сухопутьем, монах в начале 1063 г. передал поручение игумена иеромонаху Ефрему.

Так как в том либо ином виде Студийский устав был известен на Руси до этого, то следует полагать, что Феодосий имел в виду основной типикон, составленный ещё Феодором Студитом, в восстановленной Никитой Стифатом редакции обязующий в Студии⁴⁸. *Исписати* обозначает тут не просто переписку, а письменный перевод, что требовало не менее нескольких месяцев, тем более, что даже если Ефрем участвовал в переводе, то именно студийский скрипторий, привлекая знающих церковнославянский язык и письмо, мог подготовить достойный заказа текст.

В *Житии Феодосия Печерского* не сказано, что инок, передавший пожелание игумена, был посланцем, обязанным в срочном порядке доставить в Киев приготовленный список устава. Следовательно, Ефрем посылал устав с оказией, каковой оказался студийский монах Михаил, входящий в состав окружения новопоставленного митрополита Георгия. Такое поставление могло быть результатом известия о кончине митрополита Ефрема. Тем временем, 9 августа 1063 г.

БАН спас 60 экземпляров (без оправы, титульного листа и «Содержания»). Найдённые после 1956 г., они были переданы в ИИМК (Ленинградское отделение), где хранились 83 таблицы с высококачественными снимками печатей, изданные Н.П. Лихачёвым тиражом ок. 300 «альбомов» фототипий собственным иждивением на протяжении 1901–1917 гг. О митрополите Георгии см.: Г. Подкальски, Христианство: по указателю; О.В. Творогов, Георгий // Словарь книжников 1: 104–105.

46 О титулярных митрополитах см.: А. Поппэ, Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI в. // ВВ 28, 1968: 85–108; 29, 1969: 95–104. Императором, возведшим Чернигов и Переяславль во временные митрополии, был Константин Дука (25 декабря 1059 — 21 мая 1067 гг.), и эту политику продолжил Михаил Дука (1 октября 1071 — 24 марта 1078 гг.), назначив в 1077 г. почётным митрополитом на епископскую кафедру в Переяславле печерянина и студита русина Ефрема. Оба императора, отец и сын, отличались скромностью, умеренностью и мирным нравом. Прилаживаясь к пожеланию Константина Дуки, талантливый царедворец Пселл произнёс лестный энкомий в годовщину смерти Михаила Кирулария, хотя несколькими годами ранее приготовил обвинительную речь для суда над зазнавшимся патриархом.

47 Усп. сб.: 89, л. 37 б, в. Только тут в *ЖФП* в связи с уставом (625, в6–7) упомянут Студий.

48 D. Krausmüller, Niketas Stethatos's Hypotyposis: 309–328.

представился патриарх Константин Лихуд, а его преемник Иоанн VIII Ксифилин был поставлен лишь 1 января 1064 г.⁴⁹

Процедура поставления кандидата, выбранного из трёх, а затем его хиротония патриархом при благоприятных условиях занимала три месяца, а то и до полугода. Кроме того, сама подготовка к поездке, выбор спутников также забирали несколько месяцев. Путешествие совершалось более безопасным сухопутьем и более скорым в зимнюю пору способом — на санях.

Исходя из предположения, что митрополит Ефрем скончался в Киеве ближе к рубежу 1063/1064 г., его преемник не мог прибыть на Русь ранее 1064/1065 г. Во всяком случае, митрополитом Георгий был избран и рукоположен Иоанном Ксифилином в первый период его патриаршества (1 января 1064 — 2 августа 1075 г.).

Это были годы непрерывных нападений причерноморских узов на византийское Подунавье⁵⁰. Сдержанный в расходах на армию Константин Дука, учитывая опыт русских князей в борьбе с кочевниками, стремился обеспечивать безопасность империи дипломатическим путём. Это за время его царствования (1059–1067 г.), учитывая самостоятельность трёх Ярославичей, епископам Чернигова и Переяславля был придан сан титулярных митрополитов, что позволяло Константинополю войти в прямую связь со Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. Дарование митрополиту Ефрему, а затем Георгию, сенаторских званий протопроедра и синкелла учитывало значение Киева и киевского князя Изяслава.

Однако этот искусный план политического союза единоверных государств атрофировался в результате появления в причерноморских степях половцев, чехарды на названных выше княжих столах (1067–1078 г.), разлады в кругах имперских властей, 19 августа 1071 г. приведшей к поражению у Манцикерта, в результате которого в Малую Азию хлынули сельджукские турки.

Несколько иначе, чем Нестор-агиограф, сообщает о приобретении Студийского типикона летописная статья 6559 (1051) г. в *ПВЛ*. Из неё следует, что Феодосий, ставший игуменом (1061 г.), когда монастырь насчитывал два десятка иноков, *совокупляти нача многы черноризьцы и совокупи братье числомь сто и нача искати правила чернечьскаго. И обретеса тогда Михаил чернець монас-*

49 Иоанну Ксифилину, поставленному после пятимесячной вакансии, предшествовал Константин Лихуд, поставленный 2 февраля 1059 г. Оба патриарха, судя по их характеру и линии поведения в церковных делах, старались сгладить впечатление, которое оставил по себе в Киеве их предшественник. Иоанн Ксифилин (ок. 1011–1075 г.) — правовед, канонист, философ, преподаватель, сдержанный и тактичный, при Алексее Студите один из чинов патриаршего делопроизводства, в 1050-е годы пребывал в одном из монастырей на Вифинском Олимпе. Мог благоволять студитам, и с этой точки зрения можно рассматривать назначение Георгия на киевскую кафедру.

50 В Константинополе большое впечатление произвёл разгром осенью 1060 г. тюркских узов, уготованный союзом трёх Ярославичей и Всеслава Полоцкого (см.: *ПСРЛ* 1: 162–163; *ПСРЛ* 2: 151–152). Окончательная их (узов) гибель в результате чумы в 1064 г. отмечена византийскими историками. См.: Я.Н. Любарский, Михаил Пселл. Личность и творчество. М. 1978: 113, 253. Упомянутый в *ПВЛ мор* указывает, что летописная статья 6568 г. была составлена некоторое время спустя 1064 г.

*тыря Студиискаго, иже бе пришел из Грек с митрополитомъ Георгиемъ и нача у него искати устава чернець Студииских, и обрет у него и списа и уставы в монастыри своемъ...*⁵¹.

Обоим сообщениям присущи совпадения и расхождения, но нет оснований находить тут принципиальные противоречия. Общим и решающим является то, что родословная заказанного и привезённого типикона прямо указывает на Студийский монастырь, а не на одно из его дочерних ответвлений. В Студии не менее пятнадцати лет подвизался Ефрем, оттуда же прибыл в Киев монах Михаил. Печерский инок, которому игумен Феодосий поручил передать Ефрему его просьбу об *исписании*, т. е. о переводе и присылке устава, не упомянул как привезший его, Нестор отметил лишь окончательный результат: Ефрем... *весь устав монастырскихъ испъсав и посла к блаженому, его же [устав] приим отецъ нашъ Феодосиши повели почисти предъ братьею и оттоле начат в своемъ монастыри вся строити по уставу... яко же и донныне есть*⁵². Следовательно, нет основания предполагать, что посланному *некому* иноку было поручено ждать и привезти устав. Привезшим устав мог быть именно студит Михаил⁵³. Митрополит Георгий не брал ведь с собой случайно заявившего желание монаха, но из монастыря Студийского, с которым новопоставленный из священноиноков Георгий был в хороших отношениях, хотя являлся ли он сам студитом, нам неизвестно.

Ярко выступает одно: тогда как Нестор, ставший печерянином после кончины Феодосия, излагает получение устава по существу, анонимный летописец, принятый в иночество самим Феодосием, придаёт рассказу о приобретении устава агиографическую окраску, подчёркивая прозорливость игумена. Выходит, что студит Михаил, прибыв в Киев, умалчивает о привезённом уставе, но прощательный Феодосий *начат у него искати*, т. е. добиваться у него не столько самого устава, сколько предоставления возможности изготовить список с экземпляра, являвшегося собственностью Михаила, и то немалой стоимости. Видимо поэтому бережливый игумен хотел переписать текст в печерском скриптории. Можно допустить, что Феодосий *обрет*, т. е. приобрёл это право за вознаграждение. Летописцу же, входя в подробности, желательно было добавить ещё одно свидетельство обладания Феодосием божественным даром прорицания. О нём не раз упоминает Нестор в *ЖФП* и летописец в *ПВЛ*.

51 Лавр. лет., *ПСРЛ* 1: 160; Ипат. лет., *ПСРЛ* 2: 148. Только тут в *ПВЛ* в связи с уставом двукратно упомянут Студийский монастырь.

52 Усп. сб.: 89, л. 37 б, в. Определённость Феодосьева заказа Ефрему следует в первую очередь из слов *да весь устав студиискаго монастыря испъсав присълет*. Это была, вероятно, переплетённая рукопись объёмом ок. 285 листов, исписанных двусторонне, приблизительно 650 000 знаков (со спациями, т. е. ок. 1150 на странице) — книга немалой цены. Принимая, что текст безвозмездно переводил Ефрем и диктовал писцу (расходы на пергамент, чернила, помощь и пожертвования в пользу монастырского скриптория), работа требовала многих месяцев, а то и года. Об организации книжного дела в X–XII вв. см.: Л.В. Столярова, С.М. Каштанов, Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.), М. 2009: 127 сл.сл., 169–190.

53 Не он ли несколькими годами позже станет епископом юрьевским, участником торжественного перенесения рак свв. Бориса и Глеба 20 мая 1072 г. в нововоздвигнутый деревянный храм? См.: Усп. сб.: 62, л. 20 в; Михаил *Гюргевскы* назван последним из епископов, т. е. самым младшим по хиротонии.

Слова и практика игумена Феодосия свидетельствуют, что он строго следовал предписаниям устава Студийского монастыря, да к тому же по вопросу избрания и поставления своего преемника подражал завещанной Феодором Студитом рекомендации. Великий реформатор прекрасно понимал, что прямая передача власти в киновии позволяет избежать либо умалить все те осложнения, которые готовы возникнуть при открытой вакансии, когда соучастие в назначении внешних церковных и государственных сил становится неизбежным, ослабляя внутреннюю мощь самоуправляемой монастырской общины. Нестор в ЖФП краток и сообщает итог: *с съвета вьсех Стефана игумена в себе нарекоша быти*. Феодосий призвал Стефана и *благославив игумена им в себе место нарече*. Он сосредотачивается на личности Феодосия, хотя не скрывает в дальнейшем, что крамольники-печеряне *Стефана от игуменства отставиша*. По-иному излагает то же событие конца апреля — начала мая 1074 г. печерянин-летописец: не умалчивает о поведении монастырской братии с явным укором в её адрес, и с признанием отмечает снисходительность Феодосия.

Разболевшийся, предчувствующий близящуюся кончину Феодосий созвал всю братию, спрашивая: *кого хотите игуменом имети себе да и аз благославлье подал бех ему*. Посоветовавшись, печеряне просят Феодосия назначить преемника. Существенна оговорка Феодосия: *да аще от мене хотите игумена прияти, то аз створю вам не по своему изволению, но по Божью строению*, и предлагает им священноинока Иякова. Этот кандидат не пришёлся по душе печерянам: *не zde есть постриган... и начаша... просити Стефана... сего ны вдаи*. Феодосий соглашается и благословляет своего ученика: *се поручаю игуменство... Стефану с предписанием: держи преданья монастырская и устава не изменяй*. ПримириТЕЛЬный, но прозорливый Феодосий, предчувствуя, что разногласия среди печерян могут выйти за стены монастыря, не забывает передать обитель на *соблюденье* Святославу: *не даи его [Стефана] в обиду*⁵⁴. А это ссылка на предписания Студийского устава, признававшие за императором право вмешательства, если монахи киновии не сумеют сами соблюсти мир и согласие. Для византийских самоуправляемых обителей таким арбитром был василевс. А, например, для Богородичного монастыря Новой Одигитрии в Калабрии, учреждённого ок. 1103 г., «василевсом» считался норманнский король Сицилии⁵⁵. На Руси же в год смерти Феодосия (1074 г.) князем киевским являлся Святослав Ярославич. И хотя действия последнего, захватившего братний трон, Феодосий не одобрял, но, руководясь благом своего монастыря, поступился и фактически признал его государём в Киеве, проявляя тут ту гибкость и учёт обстоятельств, присущие своему эталону.

Феодосий, поручая своему преемнику следовать заповедям устава, несомненно, имел в виду тот Студийский типикон, который был прислан почти

54 Усп. сб.: 88, 128–129 (л. 36 в, 63 а, б); ЛСРЛ 1: 186–187; Завещание Феодора Студита для Студия, *Patrologia Graeca* 99: 1897A; англ. пер.: *Byzantine Monastic Foundation Documents*, v. 1, ed. J. Thomas, A. Hero, Washington, DC. 2000: 67–83.

55 D. Krausmüller, *Instaled by God* (в печати).

София Киевская. Алтарно-иконостасный фрагмент росписи собора с частично открытыми фресками XI в. Внизу — фигуры двух студийских игуменов фланкируют центральную апсиду у выхода из алтаря
Снимки любезно предоставлены В.Д. Сарбьяновым

София Киевская. Фрески 1040-х годов на предалтарной грани крещатого столба. Изображены игумены Студийского монастыря св. Феодор Студит (†826) и св. Николай Исповедник (†868) — в литургических облачениях, с Евангелием в левой руке и со слагаемыми к благословлению перстами правой

десятью годами ранее из Константинополя. Поэтому внимание наше может привлечь составленный в те же годы (после 1054 и до 1070 гг.) типик монастыря Богородицы Благодатной (Евергедиты, т. е. Благодетельницы), расположенного по соседству со Студием, где обстоятельно учтено назначение игуменом своего преемника. Порядок обрядовых действий ритуала самопоставления тут описан подробно, он состоял в монастырском соборе без соучастия посторонних лиц извне киновии. В наиболее торжественной богослужбной его части, когда собравшиеся в храме монахи славословили избранному «достоин есть», распевая тропари и тресвятый стих, поставляемый через растворённые царские врата направлялся к алтарному престолу, беря в руки возлежащие на нём монастырский типикон и пастырский посох. Затем иноки киновии целовали его как своего рукоположенного Богом (θεοχεροτόνητον) игумена⁵⁶. Однако следует учесть, что сама процедура назначения игумена в монастырях, принявших студийский устав, варьировала в зависимости от местных обстоятельств, поэтому соответствующие предписания типиконов нетрафаретны.

Итак, поступивший ок. 1064/1065 гг. в Печерскую обитель *весь устав студийского монастыря* никак не мог быть типиконом Алексея Студита, о чём подробно шла речь выше. А о том, что устав в устной передаче и в сокращённом виде был изначально известен в стенах Печерской обители, свидетельствует назначение преподобным Антонием двух его игуменов, Варлаама и Феодосия⁵⁷.

До 1036 г. патриарх Алексей Студит назначил митрополитом в Киев Феопемпта. Три его печати с погрудным изображением святого патрона студитов Иоанна Предтечи указывают, что и он был студитом⁵⁸. Принимая во внимание, что митрополичий собор Премудрости Божьей был построен и расписан на протяжении 1037–1046 гг., следует согласиться, что в эти годы киевским митропо-

56 Издание текста и перевод типикона Евергедиты: Le typikon de la Theotokos Evergetis, ed. P. Gautier // Revue des Etudes Byzantine 40, 1982: 1–101, о хиротонии игуменов: 46–51 (§13).

57 Образцом для Афонского типикона св. Афанасия был Ипотипосис Феодора Студита в редакции X в. С нимзнакомился Антоний Печерский во время своего не менее чем трёхлетнего пребывания на Афоне. Ему, а следовательно, и в Печерском монастыре, было известно завещание св. Феодора, в котором поднимался вопрос преемственности настоятельства в Студии: нового игумена избирает вся монашеская братия обители, а затем предшественник утверждает этот выбор. Великий реформатор считал своей и своих преемников обязанностью своевременно избрать и утвердить нового настоятеля. И так поступил Феодосий в последние дни своей жизни. Антоний ставил игумена дважды, не будучи сам им, а лишь настоятельствовал, имея *благословенье Святыя Горы и моего игумена иже мя постригал* [на Афоне], сперва Варлаама, а затем Феодосия изволением всех *братьи числом 20* (ПСРЛ 1: 157, 158, 159; Усп. сб.: 88, л. 35 г, л. 36 в). Завещание Феодора Студита см.: Patrologia Graeca 99: 1817 A. Англ. перевод завещания: Byzantine Monastic Foundation Documents, ed. J. Thomas and A. Hero, Washington, DC. 2000: 67–83, Афонский: Diatyposis изд. Ph. Meyer, Die Haupturkunden für die Geschichte des Athosklöster, Leipzig 1894: 123–130. D. Krausmüller, The Athonite Monastic Tradition: 57–65.

58 О трёх печатях митрополита Феопемпта, найденных в Константинополе (2) и в Киеве (1) см.: В.Л. Янин, Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. 1, М. 1970, № 411–2, т. 3, М. 1998, № 412; V. Bulgakova, Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Wiesbaden 2004: 252–254 (3.2.3.1).

литом продолжал оставаться Феопемпт, и что эта студийская программа росписи была одобрительно воспринята в Киеве и Ярославом, и Иларионом⁵⁹. Роспись митрополичьего собора следует датировать в пределах 1042–1046 гг.⁶⁰

Сменившая деревянную предшественницу каменная София Киевская строилась и декорировалась как кафедральный собор митрополии Руси, т. е. всех земель государства, подвластного династии Рюриковичей. И самое знаменательное явление в росписи храма — это галерея в большинстве своём ещё нераспознанных святых и преподобных монахов. Обилие монашеских изображений сближает иконографию кафедрала с программами современно воздвигаемых византийских кафедральных соборов, т. е. монастырских соборов. Классический состав декорации Софии обильно восполнен подвижниками преодоления иконоборчества, среди них и святителями из рядов монашества, основной силы, обеспечившей торжество православия. Между ними — константинопольские патриархи Герман и Игнатий, папа римский Мартин, архиепископ кипрский Лазарь Четверодневный, Феодор Студит и рядом, вероятно, его ученик и студийский игумен преподобный Николай. Открытие и атрибуция фигур двух святых студитов на гранях столбов подкупольного креста — само по себе явление небывалое: их фигуры фланкируют алтарь, чем в замысле составителя иконографической программы подчеркнута их особая роль и значение.

Иконография монашествовавших подвижников складывается в послеиконоборческое время, и самым мощным импульсом её развития стал студийский ответ патриарху Михаилу Кируларию, пытавшемуся умалить роль студитов в противостоянии иконоборчеству, вычеркнув имя великого реформатора византийского монашества из Синодика торжества православия. Изображение Феодора и его ученика на столь почётном месте митрополичьего собора объясняется присутствием в Киеве студитов, греков и славян, возглавляемых митрополитом Феопемптом. Вдохновение молодого русского христианства идеями великого Студита сказалось также в церковной реформе — выдвижении на месте в мит-

59 В то время, когда общепринято было считать, что ввиду византийско-русского конфликта митрополита в Киеве не было, Виктор Никитич Лазарев замечал, что программа росписи составлялась и выполнялась под прямым наблюдением митрополита Феопемпта. См.: В.Н. Лазарев, Мозаики Софии Киевской. М. 1960: 57–58. А в целом на сегодня, благодаря В.Д. Сарабьянову, мы располагаем непрекаемыми данными, что студит Феопемпт сыграл тут первостепенную роль.

60 В.Н.Лазарев, Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв., М. 1973:22–30, 82–83, 88–90; А. Poppe, The Building of the Church of Saint Sophia in Kiev // Journal of Medieval History 7, Amsterdam 1981: 15–66; А.И. Комеч, Древнерусское зодчество конца X — начала XII в., М. 1987: 178–232; П.А. Раппопорт, Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников, Л. 1982: 11–13 (здесь основная литература предмета). В свете приводимых тут данных становится понятным, насколько важной была дискуссия, продолжавшаяся почти всё двадцатое столетие, о времени постройки и росписи Софии Киевской. Существенную роль в этом споре сыграла позиция Н.Н. Никитенко (Русь и Византия в комплексе Софии Киевской. Киев 1999: 199–241, 250–255), которая отнесла постройку каменной Софии к первой четверти XI в. Хотя приводимые ею аргументы не устояли перед справедливой критикой, её труд не оказался лишним, ибо проверка других возможностей укрепила достоверность показания *ПВЛ* о начале строительства вслед за событиями 1036 г. См. также сборник статей: Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань. Матеріали круглого столу, ред. П.П. Толочко та ін. Київ 2010: 120.

рополиты русина, и, вероятно, студита — священноинюка Илариона, в основании Печерской обители по образцу Студийской киновии. Все эти чрезвычайные события диктуют пересмотр ряда вопросов в истории Руси XI в.

Киево-софийское изображения игумена, вне всякого сомнения, представляет самого Феодора Студита, по особенностям, известным по мозаике кафоликона Неа-Мони (1049–1055 гг.) и фрески в кафедральном соборе Софии Солунской (Фессалоники) 1050-х годов. Расположение осиянных нимбом святости студитов у входа в алтарь митрополичьей Софии Киевской, как подчёркивает заслуженный учёный, явление феноменальное, указывающее на пожелание заказчика и благосклонное отношение к монашеской теме вообще, а к студийской в особенности⁶¹.

Чрезвычайное значение установленных В.Д. Сарабьяновым фактов в том, что изображения св. Феодора Студита и его напарника помещены на юго-восточной грани крещатого столба, у входа в алтарь Софии Киевской, и что их иконографической особенностью является церковное облачение (фелонь, епитрахиль) поверх монашеского подрясника (см. илл. 1 и 2).

Эти установления в сопряжении с известным из Студийского устава обрядом самопоставления игумена Студия позволяют видеть тут не статический образ двух студийских подвижников, а полную внутреннего движения инсценировку торжественного ритуала символического рукоположения Богом (θεοχειροτόνητον) избранника монастырской братии в игумены Студия. Тогда это не столько почётное место в предалтарной программе декорации и не у входа в алтарь, а у его выхода, т.е. оба игумена представлены исходящими из алтаря. Становится понятным их одеяние — это облачение литургисающего иеромонаха (пресвитера) в ходе торжественной церковной церемонии божественного рукоположения с евангелистами в роли свидетелей. Отсюда символический характер возлежащего на престоле Четвероевангелия. Сам обряд не требовал вынесения Евангелия, оно оставалось на алтарном престоле. Рукоположенный в игумены обычно брал с престола посох, как символ власти, и монастырский устав, как верность установленному в обители распорядку.

61 В.Д. Сарабьянов, Образ монашества в древнерусском искусстве XI — сер. XII в. // Сборник Института искусствознания «Идея и образ», ред. Э.С. Смирнова, М. 2010: 1–33, особенно 3–8, 31. О византийских портретах св. Феодора Студита см.: D. Mouriki, The Portraits of Theodore Studites in Byzantine Art (with eight plates) // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, B. 20, Wien 1971: 249–280. Кроме весьма характерной бороды, нисходящей несколькими спиралями, и монашеской мантии, специфика облачения св. Феодора состояла в том, что он изображён в фелони, полагающейся ему как пресвитеру, а также в архиерейской епитрахили и с палицей, получаемой архимандритами и игуменами независимых, автономных обителей. На мозаичном изображении из монастыря Оснос-Лукас Феодор представлен в традиционном монашеском одеянии. См.: Ch. Walter, Pictures of the Clergy in the Theodore Psalter // Revue des Etudes Byzantines 31, 1973: 229–242. В руках у обоих студийских игуменов Евангелия. Возложенное на алтаре Евангелие играло существенную роль при избрании, как, нпр., в Алексеевском уставе, где избранного ставит патриарх (А.М. Пентковский, Типикон: 393) либо самопоставлении игумена — как фактор божественности поставления с участием евангелистов, один из которых, Марк, сопредстательствует поставляемому (D. Krausmüller, Installed by God: 7, прим. 40).

Но в киево-софийской сцене у обоих в левой руке Евангелие — как символическая благая весть, адресованная собранной в храме монастырской братии, что акт божественного поставления свершён (в действительности поставляемый был на виду, пребывая в алтаре, и выходил через царские врата, благословляя при этом собравшихся в храме монахов). Поэтому персты на правых дланях изображённых слагаемы не для одновременного благословления предстоящей в храме братии, которая встречает своего нового игумена славогласным «достоин есть».

Выясняется и то, почему в этой сцене рядом с великим Студитом изображён именно его преемник на игуменстве Николай Исповедник (†868 г.). Своим соучастием в сцене студит Николай свидетельствует, что введённый Феодором Студитом ритуал божественного поставления не был исключительной привилегией самого зачинателя студийского монашества, но и ему последующих согласно Студийскому уставу, с его предписанием о самопоставлении. Это право постоянно оспаривалось, а ведь в нём заключалась суть самостоятельности общежительных обителей.

«Студийская композиция» в росписи Софийского митрополичьего (а не монастырского) собора раскрывается как первоклассный источник, возвышающий значение присутствия студитов на Руси. По-видимому, не только сам митрополит Феопемпт, а затем его преемник Иларион, но и весь монашеский состав кафедрального духовенства состоял из студитов. И расписывавшая Софию артель художников была связана со студийским движением в недрах византийской церкви, раз была способна с такими подробностями выполнять заказ. Причём Киев в декоре своего кафедрала не отстаёт и по уровню, и по времени от того монашеского стиля храмового декора, на который указывала О.С. Попова (см. ниже — гл. 6, прим. 174). Внутренняя сила студитов, ущемляемых в имперской столице, сказывалась, в первую очередь, на провинции. В Киеве роспись Софии по различным признакам ведёт нас к годам, следующим за наполовинением Михаила Кирулария в патриархи 25 марта 1043 г. Период вспышки и накала этого одухотворённого стиля требует дальнейших разысканий.

Продолжение этой темы следовало бы искать в росписях Успенского собора Печерской обители, выполненных в восьмидесятые годы до освящения храма 14/15 августа 1089 г. Хотя печерские образцы утрачены, сохранились веские следы в росписях нескольких древнерусских монастырских храмов⁶².

62 В.Д. Сарабьянов, Росписи Успенского собора Киево-Печерской лавры в традициях древнерусской храмовой декорации // Искусствознание, вып. 2/04, М. 2004: 188–236; в легендарном рассказе о росписи Успенского собора достоверно выглядит само известие о прибытии мастеров — фресковых живописцев — спустя десять лет после смерти Антония и Феодосия, т. е. в 1084 г. Монастырь располагал уже до этого года их портретными иконами: *игумен [Никон] изнесе пред всеми иконъ ею*. Следовательно, изображены они были на двух отдельных иконах. См.: Киево-Печерский патерик, изд. Д. Абрамовичем, Київ 1931 (репр. 1991): 10. При подборе изображений святых как образцов иконописцы руководствовались тем же мотивом, что и агиографы: духовное подобие уподоблялось телесному. Поэтому новоявленным святым исповедникам придавались черты их святых тезок, иногда решал характер подвига. Например, оба изображения Феодосия Печерского, а в некоторых случаях и Антония Печерского, уподоблялись иконным изображениям Феодосия Великого, но чаще Антоний Печерский уподоблялся Антонию Великому. Портретные черты подвижника были редкостью, к таким из-за характерной бороды можно отнести

Вплотную ко времени создания Софии Киевской в росписи двух кафоликонов в Византии появились подобные монашеские ряды с учётом студийских подвижников-исповедников⁶³. Эти росписи появились после того, как в Константинополе скончался патриарх Алексей, а его преемником стал (с 25 марта 1043 г.) Михаил Кируларий — мирянин, пытавшийся засесть на императорском троне и в результате неудачи решившийся на трон патриарший⁶⁴. Выдвижение Кирулария вызвало в церковных кругах протест против поставления недуховного лица, не бывшего по-настоящему монахом. Во главе явно и во весь голос протестующих стали студиты, повторяя тут возражения Феодора Студита на назначение в патриархи Тарасия (784–806 гг.) и Никифора (806–815 гг.) из мирян, хотя оба они были иконодулами. Заняв патриарший престол, Кируларий распорядился вычеркнуть из Синодика православия самого святого Феодора — столпа и светоча византийского монашества⁶⁵. И таким способом прекратить празднование памяти святого (с 844 г.), ликвидировать автономию Студия и связанных с ним монастырей.

Призыв вернуться к избиранию митрополитов местными синодами в обход патриарха, т. е. епархиальными епископами, был выдвинут в последней трети X в. анонимом в послании «О правах митрополитов». Вероятно вскоре решительный отпор ему, в защиту «обычного права» патриарха избирать и ставить митрополитов, был дан митрополитом амасийским Никитой. Судя по спискам, тема оставалась актуальной на протяжении XI и XII вв.⁶⁶ Её злободневность

изображения Феодора Студита. Ср.: А.В. Гордеева, Образы преподобных Антония и Феодосия Печерских в ранней иконописной традиции // Русское средневековье, М. 1999: 77–97.

63 Это монастырские соборы Неа-Мони (1049–1054 гг.) и Оснос-Лукас (Св. Луки Элладского), время постройки и росписи которого точно не установлено, но если взять выводы Н. Икономидиса, то строительство храма следует отнести к периоду после 1035 г., а его украшение, финансируемое Константином Мономахом, на 1043–1048 гг., т. е. одновременно с Софией Киевской. См.: D.I. Pallas, Zur Topographie und Chronologie von Hosios Lukas, Byz. 78, 1985: 94–107; N. Oikonomides, The First Century of the Monastery of Hosios Lukas // *Dumbarton Oaks Papers* 46, 1992: 245–256. О портретах монахов см.: Н.В. Герасименко, Изображения преподобных в кафоликоне монастыря Оснос Лукас в Фокиде // Кафедра византийской и греческой филологии, М. 2000: 119–131; В.Д. Сарабьянов, Образ монашества: 30, прим. 4.

64 Сосланный на о. Лесбос при попытке в 1040 г. стать императором, Михаил Кируларий, дабы избежать дальнейших преследований, вступил в монастырь. После смерти Алексея Студита, благодаря поддержке императора Константина, стал патриархом и вызвал протест студитов, не признававших его вынужденного монашества. См.: В. Безобразов, Незданная обвинительная речь против патриарха Кирулария // Журнал мин. нар. просв. 265, сентябрь 1889: 32–84; Н. Суворов, Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии, М. 1902: 79–158; F. Tinnefeld, Michael I. Kerullarios, Patriarch von Konstantinopel (1043–1058). Kritische Überlegungen zu Einer Biographie // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, В. 39, 1989: 95–127; Я.Н. Любарский, Михаил Пселл. Личность и творчество, М. 1978: 79–90. Знаменательно, что И.И. Соколов в своём исследовании (Состояние монашества в Византийской империи (842–1204 г.), Казань 1894 (репр. СПб 2003)) о конфликте студитов с Кируларием не упоминает.

65 Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople, v.1, fasc. II et III ed. V. Grumel / J. Darrouzès, Paris 1989, Reg. 855 b: Radiation de Théodore Studite du synodicon de l'orthodoxie (pp. 358–359).

66 J. Darrouzès, Documents inédits d'Ecclésiologie byzantine, Paris 1966 : 21–36, гр. текст и фр. перевод: Anonyme 116–159, Nicetas d'Amasée 160–175. Дополнительные наблюдения над опубликованными Ж. Дарузесом текстами см.: P. Karlin-Hayter, Notes sur quatre Documents d'Ecclésiologie byzantine // *Revue des Études Byzantines* 37, 1979: 249–258.

должна была выступить с полной остротой после оскорбительного для всего византийского монашества шага патриарха (1044 г.). Требование возврата к избиранию митрополитов местными синодами, несомненно, звучало не раз, и следы его прослеживаются на Руси, что нашло апогей в избрании митрополита Илариона. Не национальные и не политические мотивы, а чувство близости идеям великого реформатора монашества предрешили поддержку студитов, и нашли понимание у любящего *излиха же черноризцы* Ярослава, для которого инвеститура (поставление) митрополита подобно выдвиганиям им в епископский сан по епархиям было перенятой государем киевским практикой императора ромеев⁶⁷. Феодор Студит оставлял императору право назначения архиереем одного из трёх избранных синодом кандидатов. Патриарху же оставлялось его поставление.

Выступление Кирулария вызвало возмущение не только самих студитов, что не могло остаться без последствий. Император Константин Мономах заставил властолюбивого донельзя патриарха отозвать своё распоряжение. Поняв, что студийское движение и монашество ему не осилить, Кируларий начал искать поддержки студитов в своём конфликте с папством в Южной Италии.

Патриарх выступал против студитов не в одиночку, рассчитывая на поддержку влиятельных кругов в самой византийской церкви, в первую очередь многочисленного столичного клира во главе с клиросом Агии-Софии. Им были не по нраву строгие, «консервативные» назидания и нравоучения студийских монахов, в случае их нарушения громогласно ими осуждаемые и порицаемые. Отношения между студитами и патриаршеством со времён великого реформатора иночества нередко бывали довольно напряжёнными. Сказывалось это и в поместном характере почитания св. Феодора. Константинопольский синаксарь под 11 ноября отметил поминание его памяти, но отсутствовала формула её празднования, требующая изложения подвижничества св. Феодора. Метафрастовский свод житий святых, составленный на исходе X в., не включает *Жития* Феодора Студита. На стремление ограничения культа св. Феодора указывает отсутствие изображений святого вне монастырских стен, хотя упомянуто существование его портретной иконы в первой половине IX в.

В императорском дворце деятельность Студия и дочерних ему монастырей часто находила понимание и одобрение. Василевсы в своих расхождениях с патриархами рассчитывали на их поддержку. Деятельный и неприхотливый самодержец Василий II (958–1025 гг.), разочарованный патриаршими недосмотрами,

67 А. Поппэ, Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР 1970, № 3: 108–124 (воспроизводится в настоящем издании, см. Приложение 1). Выдвинутое в статье предположение о природе конфликта находит подтверждение в упомянутых выше текстах (прим. 66), содержание которых, благодаря студитам, было известно. В этом свете лапидарность, приданная обоснованию поставления Илариона редактором *Никоновского свода* (ПСРЛ 9: 83) явится достоверным обобщением историка первой трети XVI в., на что верно указал Б.А. Успенский (Царь и патриарх, М. 1998: 43–45 с прим.). Редактор *Никоновского свода* располагал теми же данными, что и мы, но понимал их лучше нас. Неодобрение вызывали любительские попытки искать в *Никоновском своде* затерявшиеся якобы записи первоисточников ПВЛ.

неопытностью, а иногда безразличием, и в результате общим положением церковных дел, на смертном одре сам назначил патриарха из студитов.

В период патриаршества Алексея Студита (12 декабря 1025 — 20 февраля 1043 гг.) роль студитов значительно возросла, благодаря, прежде всего, рукоположениям на освобождавшиеся кафедры архиереев из студийских монахов. Так, до 1036 г. митрополитом Руси был поставлен студит Феопемпт. В сентябре 1039 г. он находился в Константинополе, участвуя в патриаршем синоде; периодическое пребывание в византийской столице было обязанностью митрополитов.

Напряжённость отношений между неуживчивым и надменным Михаилом Кируларием и студитами вписывалась в нарастающий конфликт между патриархом и василевсами. Кируларий выдвигал претензии верховенства патриаршего достоинства над императорским и был обвиняем в узурпировании государевых прав и роли арбитра в ситуациях политического кризиса в империи. В годы Константина Мономаха (1043–1054 гг.) Кируларий, обязанный императору патриаршим тронном, сдерживался в своих притязаниях и сумел приобрести расположение клира и жителей столицы, выдвинувшись в народном мнении на роль первозащитника православия в спорах с латинянами. Избегавший прямых столкновений с Кируларием, которому многое сходило с рук, император предпринимал шаги, обеспечивающие ему поддержку монашества, и, в первую очередь, студитов, путём пожалований, привилегий и покровительства строительства и росписи монастырских храмов. При Михаиле VI и перенятии власти Исааком Комнином, Кируларий, не церемонясь, заявил, что переход императорской власти требует санкции патриарха и в случае несогласия ему, как держателю Богом ниспосланного авторитета, дано право интервенции. Провозглашённый 8 июня и венчанный на царство 3 сентября 1057 г. Исаак Комнин в ноябре 1058 г. арестовал Кирулария и отправил узником на о. Приконис (современный о. Мармара), где тот в ожидании суда и умер. Однако под влиянием церковных кругов и военной знати сам Исаак был вынужден отречься от престола в декабре 1059 г., найдя иноческое прибежище в Студийском монастыре⁶⁸.

Данная краткая характеристика положения дел в самой империи необходима, дабы понять, что эта неустойчивость захватывала Русь, её церковные центры, в первую очередь митрополита, софийский клирос и монашество во главе с Печерской обителью с самого начала её существования. Отзвуки споров над Босфором доходили до княжских дворов и знати. Бояре и дружинники в свои преклонные годы находили духовное пристанище в стенах монастыря, тяготеющего к студитам. Все эти обстоятельства позволяют понять, почему Печерская

68 M. Angold, *Imperial renewal and orthodox reaction: Byzantium in the eleventh century* // *New Constantines: the Rhythm of Imperial Renewal in Byzantium, 4th–13th Centuries*, Aldershot 1994: 231–246, особ. 235–243; D. Krausmüller, *Abbots and Monks* (см. выше прим. 37): 255–282. Модный в то время в изложении Симеона Нового Богослова религиозный мистицизм увлёк самого Кирулария, и то так сильно, что он способствовал его канонизации. Но было ли это запросом души и разума патриарха (Пселл, оправдывая мистические влечения Кирулария, отметил, что он был лишён образования) или подоплёкой стало стремление примириться с монашеством, требует внимательного изучения.

летопись отмежёвывалась от далёкого ей повседневного быта митрополита и его клироса, едва и от случая к случаю замечаемых в летописании XI в.

В годы патриаршества Алексея Студита чётко выступил вызревавший и ранее вклад студитов во все отрасли церковной жизни. Существенно расширилось число монастырей, подражающих в своих уставах студийскому типикону. Влияние студитов сказалось также в религиозном искусстве, гимнографии и книжности (скриптории). Из студийской среды вышли новые веяния в области философии — их выразителем стал выдающийся мистик Симеон Новый Богослов (949–1022 гг.), обогативший интеллектуальный характер духовного мира христианина. Новизна его полемических выступлений вызывала толки в самом Студии. Симеон на первый план выдвигал абсолютное послушание не игумену, а отцу духовному. Отсюда и стремление игуменов быть духовниками, выходящими и за монастырские пределы, что сказалось, в том числе, и на Руси. Без слёз, скорби и видений, очищающих душу, нет в нас покаяния — учил Симеон. Его учеником и биографом стал известный своей полемикой с латинянами в 1054 г. студит Никита Стифат, сумевший в 1043–1044 гг. публично назидать самого императора.

Возникает вопрос: не следует ли росписи и мозаики 1040-х годов (две монастырские — на о. Хиос и в Фокиде, и одну митрополичью — в Киеве) рассматривать как решительный ответ на попытку устранения из церковно-политической жизни империи действительных авторов торжества православия над иконоборством? На стенах названных храмов появились святые и преподобные монахи, взявшие верх в этом приснопамятном для христианства раздоре, а среди них студиты во главе со своим игуменом. Продолжение этой монашеской программы в декоре монастырских и соборных храмов — не только византийских, но и южно- и восточнославянских — в последующих десятилетиях продолжало быть противостоянием затянувшейся попытки устранения студийского монашества из церковно-политической жизни восточного христианства.

К внешней напряжённости, особенно 40–70-х гг. XI в., добавались внутренние неполадки и споры. Сталкивались две концепции: самоизбрания, т. е. божественной инвеституры, и традиционная — громогласного избирания игумена братией. Отголоском этих споров в Киево-Печерском монастыре стал отказ братии от избрания предложенного Феодосием иеромонаха Иякова. Игуменом был избран Стефан и почти четыре года спустя отставлен от игуменства.

Конфликт патриарха со студитами после неудачи экспедиции 1043 г. получил огорчительный отклик на Руси. При таком положении вещей митрополит Феопемпт не имел основания (да и не хотел) оставлять свою пастырскую деятельность на Руси, и продолжил доводить до конца воздвижение и декорацию каменного митрополичьего собора. Причиной направления военного отряда в Константинополь не был русьско-византийский государственный конфликт, а готовность Киева выйти навстречу пожеланию законных императриц Зои

и Феодоры, поддержанных патриархом Алексеем Студитом⁶⁹. Ярослав, зная, какую роль в гражданской войне в Византии сыграл его отец, охотно послал своего сына Владимира во главе крупного экспедиционного корпуса⁷⁰, но призыв, последовавший не позднее мая 1042 г., требовал подготовки и мог быть выполнен к лету 1043 г. Когда дворцовая политика под влиянием нового императора и третьего супруга Зои Константина Мономаха круто изменилась, появление возглавляемого сыном Ярослава флота было воспринято как внутренний бунт в империи: побеждённые греческим огнем русины, попав в плен, были наказаны ослеплением. В результате переговоров после 1046 г. отношения между Византией и Русью помалу налаживались также на церковном поприще, сопровождаясь уступками с обеих сторон. Вероятно, ближе к 1051 г. возник вопрос замещения киевской кафедры после усопшего Феопемпта. Патриарх сохранил право назначения и поставления митрополитов в Киев, и Илариону, как «незаконно» поставленному собственным синодом, пришлось отречься (*отписатися*) от сана и престола⁷¹. Было сделано много, чтобы весь этот важный эпизод замять и предать забвению. На это указывают уход Илариона с митрополии после неполных двух лет архиерейства и покрывшая это событие пелена молчания.

Студитам на Руси был нанесен серьёзный урон. При всём том учреждённая в 1051 г. Печерская обитель крепла, развиваясь в полный духовной силы и жизненной энергии общественно-религиозный институт. Связь со Студием и его дочерними монастырями, обладавшими в Византии внушительной

69 Инициатива приглашения на имперскую службу русского отряда принадлежала василиссе Феодоре, решительно расправившейся с пафлагонцами. Ввиду угрозы дальнейших бунтов и узурпаций, императрица взяла себе в пример дядю императора Василия II, пригласившего для спасения трона русов и сделавшего киевского князя-полуязычника шурином. В 1042 г. христианская Русь с византийской точки зрения являлась куда более надёжным союзником, чем в 987 г.

70 Предлагаю тут новую гипотезу о причине конфликта 1043 г., я тем самым отказываюсь от моего же прежнего положения о ведущей роли византийского полководца Георгия Маниака, подробно изложенного в: А. Poppe, *La dernière Expedition russe contre Constantinople // Byzantinoslavica* 32, 1971: 1–29, 233–268. О капе ослепления см.: J. Herrin, *Blinding in Byzantium // Polepleuros Nous. Miscellanea für Peter Schreiner, München 2000: 56–68*. В поисках ответа на причину этого похода я имел удовольствие дискутировать с Г.Г. Литавриным. Нам удалось многое прояснить, но причина оставалась загадкой и мы вполне осознавали гипотетический характер предлагаемых решений. См.: Г.Г. Литаврин, *Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.)*, СПб. 2000: 228–276. Завершающее это исследование замечание: «При Ярославе Русь была, кажется, недалеко от того, чтобы вмешаться в судьбы пошатнувшегося “родственного” императорского престола», подсказывает искать ответ во внутренних потрясениях империи на закате Македонской династии.

71 О времени отречения Илариона, учитывая, что большой подагрой Константин IX умер в январе 1055 г., Ярослав же скончался в феврале 1054 г., соглашение между ними было достигнуто в 1052 г. и к осени 1053 г. на Русь прибыл новопоставленный в Константинополе митрополит Ефрем см.: А. Поппз, *Владимир Святой: 105–106*.

В сборнике статей «Ярослав Мудрый и его эпоха» (М. 2008) показательное отсутствие двух существенных для понимания времени Ярослава событий. Центральным тут является всё ещё не вполне исследовательски постигнутый вопрос поставления митрополита Илариона и круг той церковной тематики, которая являлась фоном этого события, с постройкой и декоративным оформлением Софии Киевской. Вторым важным событием, причина которого доселе не разгадана, остаётся поход 1043 г. на Константинополь.

нравственной силой и влиянием, не заглохла. Идя по стопам своего учителя, Феодосий собственным примером направлял печерян на путь общественного труженичества на жизненном поприще. Отдавая предпочтение действенности иноков, игумен должным образом оценивал поиски спасения в созерцательности отшельничества, особенно временной молитвенной отрешённости в пещерной келейке.

Спустя сорок лет после росписи митрополичьего собора Премудрости Божьей Феодор Студит и один из его соратников должно быть вновь появились на фресках Печерского собора Успения Богородицы, освящённого 14 августа 1089 г., готового принять мощи своего покойного (†1074 г.) игумена и исповедника Феодосия. Было ли к тому времени готово описание его жизни? Без обоснования его подвижничества *обретение* мощей и их *перенесение*, т. е. признание исповедника Феодосия святым, не могло состояться⁷². К ответу на этот вопрос придётся подойти в последующих главах.

При собирании данных о присутствия студитов на Руси нельзя пройти мимо того раннего следа, каким следует признать судьбу епископа Новгорода (1036 г. — 15 октября 1060 г.) Луки Жидяты (от *Жидислав*). Назначенный на новгородскую кафедру Ярославом Мудрым Лука был хиротонисан митрополитом киевским студитом Феопемптом в 1036 г., в возрасте более 33, но, вероятно, менее 40 лет. Учитывая предъявляемые студитами кандидатам в архиерейский сан требования, Лука был иеромонахом и годами приобретал свой иноческий опыт и необходимое в священстве образование в одном из византийских монастырей⁷³.

Приписываемое ему *Поучение к братии* — близко по слогу к поучениям Феодора Студита, автора почти полтораэта таких наставлений, в замысле — обращённых к иночествующим и ставшим образцом для церковных проповедей. Открытым остаётся вопрос: были ли *Поучения* Феодора Студита доступны Луке и современным ему монахам-русинам уже в переводе или на языке оригинала?⁷⁴

Назначение Ефрема митрополитом в Киев, вслед за отстранением (отречением?) митрополита Илариона было решением компромиссным между патри-

72 В Византии в XI–XII вв. бывало так, что ктитория, почитаемые в созданных ими монастырях, где их чествовали блаженными, славящими, праведными, за отсутствием их агиографических биографий не могли быть причислены к лику святых. Ср.: R. Morris, *Monks and Laymen in Byzantium 843–1118*, Cambridge 1995: 88–89.

73 Подробнее см.: А. Поппэ, Новгородский епископ Лука-Жидята: К вопросу о студитах на Руси // *Висы дружбы: Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джаксон*, М. 2011: 357–367.

74 *Поучение* еп. Луки издавалось многократно, также в составе сохранивших его летописных сводов. См.: Новгородская четвёртая летопись (далее *НЧЛ*), *ПСРЛ* 4, ч. 1, СПб. 1915 (репр. М. 2000): 118–120; Новгородская Карамзинская летопись, *ПСРЛ* 42, М. 2002: 65–66. Литературу см.: О.В. Творогов, Лука Жидята // *Словарь книжников* 1: 251–253; Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. СПб. 1996: 156–157. О Феопемпте и соучастии еп. Луки в появлении в Новгороде типикона Алексея Студита см. выше с. 26–28.

архом и императором. Рукоположенный в митрополиты киевские Ефрем, став членом императорского сената с высоким званием протопроэдра, одновременно со своим архиерейским саном являлся чрезвычайным уполномоченным Константина Мономаха. Право Константинополя назначать и рукополагать митрополита Руси было восстановлено. За киевским князем оставалось право принять митрополита, разрешить и участвовать в его наставлении.

Прибывший на Русь вероятно к осени 1053 г. Ефрем освящал заново кафедральный Софийский собор и был в нём наставлен 4 ноября того же года, в день святого великомученика Георгия⁷⁵. В начале 6563 г. (весной 1055 г.) митрополит Ефрем по доносу холопа Луки вызвал новгородского епископа в Киев, где последний пробыл в дознании три года: *В лето 6563... клевета бысть на архиепископа Луку от своего холопа Дудики, и изыде из Новгорода и иде к Киеву, и осуди митрополит Ефрем, и пребысть тамо три лета... В лето 6566... архиепископ Лука прия стол свои в Новгороде и свою власть; Дудици же холопу оскомины быша, урезаша ему носа и руже обе усекоша*⁷⁶.

Митрополиту понадобилось целых три года следствия, чтобы восстановить Луку в его правах и признать донос клеветой. Находящийся под следствием не был лишён своего сана. Значит, кафедрой управлял лишь местоблюститель, что подчёркивало временность положения и позволяет довольно точно определить характер осуждения: временное отстранение от управления епархией, запрет выполнения полагающихся епархиальному архиерею прав и обязанностей в ожидании окончательного приговора.

Поэтому три года под надзором и в дознании в Киеве не могут быть признаны сроком наказания. Ибо таким нельзя считать епитимийные запреты и повинности вплоть до отрешения от служения, если таковые были на Луку наложены. Новгородский летописец не оmeshкал отметить ложность обвинения, но умолчал, в чём состоял этот навет, и даже современники годами позже не решались открыть тайну этой клеветы. И лишь спустя пять сотен лет прозорливый летописец языком, понятным сквозь всё тысячелетие, расшифровал, что *клевета бысть на епископа Луку Жидяту... в неподобных речех*⁷⁷. Согласно древнерусскому значению этих слов, высказывания Луки определялись как незаконные, недостойные, нечестивые, подлежащие осуждению.

75 А. Поппэ, Владимир Святой: 102–106; Г. Подскальски, Христианство: 449–451; О.В. Лосева, Русские месящесловы XI–XV вв., М. 2001: 98–100. Ефрем мог прибыть в Киев уже к осени 1053 г., но нельзя исключить 1054 г., и тогда принимал его унаследовавший Киев Ярослав сын Изяслав. Попытку отнести прибытие митрополита Ефрема в Киев после февраля 1054 г., так как отсутствовал он якобы на похоронах Ярослава Мудрого, следует отнести к недоразумениям. Летописная статья 6562 г., выдвигающая как истинного наследника его сына Всеволода, составлялась годы спустя после 1078 г., вероятно при Владимире Мономахе. В описании похорон Ярослава летописец не упоминает поимённо о присутствующих, за исключением самого Всеволода, отмечая лишь, что *попове поюще обычныя песни, плакашася по нем люди. ПСРЛ 1: 162 (попове тут «отцы», в смысле священного сана, т. е. духовенство).*

76 *НАЛ, ПСРЛ 4, ч. 1: 118; НПЛ: 182–183.*

77 Никоновская летопись, *ПСРЛ 9 СПб 1862 (репр. 1965): 91.*